

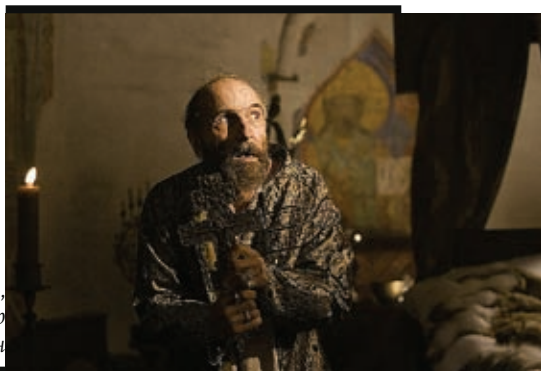
Спрос на душу населения

ФЕСТИВАЛЬНОЕ КИНО-2009

итоги подводит Андрей Плахов

«Белая лента», режиссер Михаэль Ханеке

«Царь»,
режиссер
Павел Лунгин

ЕСЛИ в 2008 году деятели кинематографа были в основном увлечены политической и социальной проблематикой, то в этом году мы погрузились в стихию духовных исканий: словосочетание, почти забытое со времен Бергмана, Феллини и Тарковского, но вот опять актуальное.

Тому способствовали два кризиса — кризис постмодернизма и экономический кризис. В последние два-три десятилетия кинематограф с присущим ему тотальным скепсисом если и прояснял хоть какой-то интерес к религиозной тематике, то тщательно скрывал его, а открытая духовность стала восприниматься почти как пародия. Серьезное же кино искало корни всех проблем в материальной и политической сферах. Среди прочих на этой волне поднялся Майкл Мур, во многом благодаря ему документальное кино нахально вторглось в сферу художественного. Но вот Мур снял на злобу дня фильм «Капитализм: история любви» о жертвах ипотечного кризиса — но, как ни странно, особого успеха он в Канне не имел. Нынешний кризис требует более глубокого анализа, его влияние на людей одними лишь экономикой и политикой, кажется, не ограничивается.

Последний Каннский фестиваль мог показаться сплошным религиозным диспутом. Экуменическое жюри наградило антипризом Ларса фон Триера, но и его провокационный «Антихрист» обрел в результате своеобразную форму богоискательства (впере-

межку с богоборчеством). Недаром главную роль в «Антихристе» исполняет Уиллем Дефо, игравший в свое время Христа у Мартина Скорсезе. Теперь поиски бога проходят на фоне тотального триумфа зла.

В «Бойне» филиппинца Брийанте Мендозы (приз за режиссуру) зло коренится и прорастает в коррумпированной системе азиатского общества. А в «Белой ленте» австрийца Михаэля Ханеке (Золотая пальмовая ветвь) зло вызревает в добропорядочной немецкой деревушке, живущей по заповедям протестантской морали. Но дети не внемлют примерам богомольных родителей и терроризируют деревню вспышками немотивированного насилия.

В венецианской программе многие сочли лучшим другой австрийский фильм — «Лурд» Джессики Хауснер (приз ФИПРЕССИ — международной критики). Его действие происходит в одном из главных европейских мест паломничества, где чудеса давно стали частью туристической индустрии. Когда прикованная к инвалидному креслу молодая женщина встает и делает первые самостоятельные шаги, это скорее оказывается результатом любовной, чем божественной терапии. Картина исполнена настолько тонко, что утверждать, будто она отрицает божественное, было бы натяжкой. И все-таки вопрос о неочевидной природе чудес (некогда занимавший Феллини) опять стоит на повестке дня.

«Антихрист», режиссер Ларс фон Триер

Несколько фильмов этого года было посвящено диалогам конфессий. В турецких «Чуждых четках» режиссера Махмута Фазила (Тигровый приз в Роттердаме) робкое чувство, намек за запретную влюбленность вспыхивает между молодым муэдзином и его соседкой по дому, католической монашкой. Два одиноких человека, разделенные традицией, судьбой, воспитанием, тянутся друг к другу, так и не решаясь признаться в этом даже себе.

А осенью на нескольких фестивалях прошумел фильм «Хадевейх» француза Бруно Дюмона (приз ФИПРЕССИ в Торонто). Девственница, выросшая в неприлично богатой семье, стремится отдать душу и тело Христу, но не видит знаков его присутствия в бездуховном мире. Во всем Париже она находит только двух близких людей — это братья арабских кровей, которые ведут ее на путь теракта. Одна религия слишком стара и безжизненна, другая молодая и агрессивна. В финале запутавшуюся девушку спасает от смерти мелкий преступник, это и оказывается желанным знаком присутствия бога.

Судьба фильмов, затрагивающих религиозные темы, в России непроста. На московском пресс-показе «Антихриста» раздавались крики: «Покайтесь!» Особенно болезненно люди переживали посвящение Тарковскому в финальном титре. Однако ничего не поделаешь: раз даже в советское время наши кинорежиссеры контрабандой протаскивали на экран религиозную ересь, то нынче сам бог

велел. Фильм «Чудо» Александра Прошкина по сценарию Юрия Арабова (спецприз Московского фестиваля) снят по мотивам легенды хрущевских времен о «стоянии Зои»: девушка Зоя оказывается обращенной в столб в наказание за богохульство. Феномен вызывает обострение идеологической борьбы между церковью и партийной номенклатурой, требующее в результате участия самого генсека.

С новым фильмом выступил и Павел Лунгин, создатель «Острова», чей массовый успех объяснялся тем, что идея личного искупления грехов была подана в патриотической связке с нравоучительной историей изменника родины. «Царь», показанный в Канне и открывавший ММКФ, повествует о конфликте Ивана Грозного с митрополитом Филиппом и о том, что духовная власть бессильна изменить природу российской тирании. И царь здесь никак не от бога, хотя истово молится за спасение страны от бесчисленных врагов. Эта трактовка не устроила именно тех, кто возносил на пьедестал «Остров»: целая кампания против «крамольного фильма» поднята священнослужителями, апологетами державности, не говоря о православных хоругвеносцах. Так что хоть мы и показали себя в этом году частью мирового кинопроцесса, религиозные диспуты на Западе и в России по своей тональности сильно отличаются друг от друга. Там — в худшем случае антиприз, у нас неудобных могут и анафеме предать.